

а, Болховскаго
коны с. Введен-
идинъ, 19 мая,
Михаилъ Муси-
ельскаго уѣзда,
с. Петропав-
овъ, 20 марта,
ай Рождествен-
ерхней Боевки,
мая.

ОРЛОВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Рѣчь, сказанная Епископомъ Никаноромъ при погре-
бени Николая Алексѣевича Цареградскаго *) 1-го
Мая 1902 года.

Онъ былъ свѣтильникъ, горящій и свѣтящій! Вотъ
слова Божественнаго Писанія, которымъ опредѣляется
положеніе, занимавшееся въ мірѣ Божіемъ почившимъ
собратомъ нашимъ.

Около 60 лѣтъ тому назадъ, когда вблизи предѣ-
ловъ его родины, въ Казани, основывалась Духовная
Академія, въ немъ возникъ пламень богопознанія и
стремленія къ просвѣщенію всѣми свѣточами науки.
И вскорѣ же онъ оказался въ числѣ наилучшихъ избран-
никовъ, которыми тогда въ очень ограниченномъ коли-
чествѣ наполнялась дорогая наша Alma mater. Храмъ,
аудиторія и садъ, въ то время еще очень не тѣнистый,—
вотъ мѣста, въ которыхъ проводили время студенты
того періода, постоянно серьезные, погруженные глубоко
въ созерцаніе богословскихъ предметовъ и философ-
скаго мышленія, наполнявшего весь досугъ, какъ у древ-
нихъ перипатетиковъ. Эта серьезная настроенность въ

*) Магистръ Казанской Духовной Академіи, выпуска 1850 года, прослу-
жившій Инспекторомъ Ставропольской духовной семинаріи 37 лѣтъ; умеръ въ
Орлѣ на 83 году жизни, съ полнымъ сознаніемъ и ноги на ногахъ.

юности еще болѣе окрѣпла въ годы мужества. Привычка разсуждать глубокомысленно и постоянно о всѣхъ вопросахъ живой мысли и насущныхъ вопросахъ не покидала почившаго даже до смертнаго одра.

Мнѣ пришлось услышать доброе имя почившаго въ годы окончанія мною средняго образованія, когда, при нѣкоторомъ видоизмѣненіи вѣсовъ жизни, и я могъ-бы сдѣлаться ученикомъ и воспитанникомъ почившаго, какъ сдѣлались многіе изъ моихъ товарищей, съ великою благодарностію воспоминавшіе о Николаѣ Алексѣевичѣ, какъ мудромъ наставникѣ и благопопечительномъ воспитателѣ.

Не мало прошло лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ почившій оставилъ свое педагогическое служеніе, но думаю, что память о его просвѣтительной дѣятельности живетъ и будетъ долго жить въ Ставропольской епархіи, и ученики его будутъ возносить горячія о немъ молитвы. Онъ былъ плодомъ зрѣлымъ, принесимъ въ просвѣтительной дѣятельности своей плоды сторицею.

Онъ былъ доброю пшеницею Божіею, которою насыщались обильно всѣ алчущіе пици духовной. Онъ былъ свѣтильникъ—согрѣвавшій и просвѣщавшій многихъ.

Да послужитъ вамъ, родные почившаго, все это утѣшеніемъ въ великой потерѣ вашей. И да воздастъ вамъ Господь за многоплодные труды почившаго сродника вашего, по зачету воздаянія, до семи родовъ.

Да послужитъ его добрый примѣръ поучительнымъ урокомъ и для всѣхъ насъ.

Здѣсь живущіе не долгое время видѣли его и не часто встрѣчались съ нимъ. Но они видѣли его въ храмѣ семъ, гдѣ онъ нерѣдко, усердно и подолгу молился съ особенною сосредоточенностію, которая неволью

привлек
десятил
утружде
Доб
вали и
ные поу
леній и
По
да при
речеть е
благій и
Аминь.

Жу
Тульской
нина и
онъ полу
горьевича
должно
отразится
рѣшиться
которое
всѣхъ—и
ложилось
видѣть о
„его“ мат
должна б
дѣтство
ныхъ усл

*) Продо

привлекала къ себѣ общее вниманіе, при его восьми-десятилѣтней старости, съ неизбѣжною при семъ претружденностію всего состава его.

Доброй всегдашней настроенности его соотвѣтствовали и послѣдніе часы и минуты жизни его, исполненные поучительныхъ и трогательныхъ примѣровъ, наставленій и утѣшеній роднымъ и знаемымъ.

По всему этому, будемъ же молиться о почившемъ, да приметъ Господь его въ Свои небесные кровы и да речетъ ему на милостивомъ судѣ Своемъ: „добрый рабе,—благій и вѣрный, вниди въ радость Господа Своего!“
Аминь.

Родоначальникъ русскаго романтизма*).

(12 апр. 1852 г.—12 апр. 1902 г.)

Жуковскій родился (въ 1783 г.) въ с. Мишенскомъ Тульской губ. отъ помѣщика Аеанасія Ивановича Бунина и плѣнной турчанки Сальхи. Отчество и фамилію онъ получилъ отъ своего крестнаго отца Андрея Григорьевича Жуковского. Обстоятельство это, конечно, должно было наложить печать на жизнь мальчика и отразиться на складѣ его характера. Трудно было отрѣшиться ему отъ своего ненормальнаго положенія, которое сознавалось всѣми и, можетъ быть, болѣе всѣхъ—имъ самимъ, и, во всякомъ случаѣ, тяжело ложилось на его воспріимчивую душу. Не могъ не видѣть онъ, что, по словамъ одного изъ его друзей, „его мать, какъ ни была любима въ семьѣ, все же должна была стоя выслушивать приказанія“. Однако дѣтство будущаго поэта, при нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, имѣло и много хорошаго. Пребываніе

*) Продолженіе. См. № 20—21.